

АДАПТАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ И ПРАКТИКИ СЕЛЬСКИХ УДМУРТОВ (начало 2000-х – 2011 г.)

Г. А. НИКИТИНА,

*доктор исторических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник отдела исторических исследований
ФГБУН «Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН»
(г. Ижевск, РФ)*

Любая адаптационная практика априори подразумевает наличие определенного комплекса ресурсов, без которых невозможны попытки приспособления к сложившейся внешней институциональной среде. В публикациях отечественных авторов-обществоведов обычно выделяются индивидуальные и групповые, материальные и нематериальные, законные и нелегальные ресурсы, которые российский социум использует в своих адаптационных поведенческих стратегиях, а последние, т. е. адаптационные практики, в свою очередь, подразделяются на коллективные и приватные, успешные и без-успешные, единичные и типичные.

По своим адаптационным ресурсам и практикам удмуртское село сегодня кардинально ничем не отличается от средне-статистической деревни нечерноземной полосы России. В целях приспособления к критической ситуации человек может воспользоваться как материальными (например, финансовыми, если они есть), так и нематериальными ресурсами. Нематериальными адаптационными ресурсами принято считать то, что накоплено человеком в ходе социализации и не может быть «отчуждено» никакими социальными экспериментами [1, 9]. Таким образом, жизненный опыт, социально-профессиональная принадлежность, мобильность психики, уровень образования, особенности трудовой мотивации, знания и умения и даже возраст, пол и место жительства (регион

и тип поселения) могут быть использованы человеком в качестве его ресурсного потенциала. Ареней, где эти ресурсы могут быть мобилизованы и апробированы, выступают различные рынки приложения труда, самозанятость, совместительство и другие виды практик.

Как правило, активным личностям резкое ухудшение внешних условий дает дополнительный импульс к поискам средств улучшения ситуации. Напротив, пассивные, патерналистски настроенные люди, не способные к самостоятельной мобилизации в борьбе с объективными трудностями, с высокой долей вероятности могут оказаться жертвами обстоятельств. Люди с высоким профессиональным статусом, образованием, с широкими сетевыми связями, имеющие хорошее здоровье, мобильную психику и индивидуальные достижительные мотивации, обычно оказываются в более выгодном положении, нежели лица, не обладающие такими ресурсами. Ресурсы традиционалистски настроенных селян, по всей вероятности, будут иметь более ограниченные рамки, нежели жителей урбанизированной, модернизированной среды. Исследователь, поставивший себе целью изучить адаптационные ресурсы и практики селян, должен иметь в виду и то, что при всех равных ресурсных возможностях они могут быть по-разному использованы в практике людей различной этнической или конфессиональной принадлежности.

Проанализируем частные/личные/семейные ресурсы и адаптационные практики сельских тружеников. Сразу же оговоримся, что виды деятельности, направленной на жизнеобеспечение, варьируются в достаточно широком диапазоне и реализуются, как правило, в комплексе. Труд в общественном производстве, личном подсобном хозяйстве (ЛПХ), занятие фермерством, различные виды предпринимательской деятельности, не связанной с сельским хозяйством, сезонная работа по найму, использование сетевых ресурсов, эпизодические «рейды» в рыночную экономику – это далеко не исчерпывающий перечень адаптационных практик, демонстрируемых современными сельскими удмуртскими семьями.

Одним из ресурсных каналов и объектов приложения адаптационных практик для селян являются «тяжеловесы» современной сельской экономики, в первую очередь сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПК). Судя по полевым данным, сегодня преобладающая часть сельских тружеников не спешит разрывать отношения с «крупхозом». По-видимому, выбранную тактику можно объяснить тем, что здесь им гарантируются трудовая занятость и заработная плата. Между этими источниками жизнеобеспечения прослеживается весьма любопытная связь: постоянное место работы обеспечивает ряд социальных гарантий (начисление пенсии, оплату больничных листов, медицинское обслуживание, повышение квалификации), но низкая оплата труда снижает экономическую значимость основной занятости [5, 49]. Подобные крайности в глазах селян сглаживаются некоторыми другими преимуществами. Так, в пользовании личных подворий имеются сенокосные участки, трава с которых убирается или своими силами, или с помощью местного предприятия (скашивание, подвоз до усадьбы). Современный «колхозник» всегда может обратиться в правление за помощью техникой, строительным материалом, фуражным зерном и при этом рассчитывать на определенные льготы и скидки. Например, в ООО «Иж-

Кама» Алнашского района летом 2005 г. в счет заработной платы всем работникам был выделен мед; для тех, кто подал заявки, сено в рулонах подвозилось прямо к домам; «было выделено поле для заготовки соломы. В счет пользования индивидуальными земельными паями выдано 100 кг зерна» [2, 20]. В необходимых случаях вполне реально получение помощи или консультации от сельских специалистов – ветеринара, зоотехника, агронома.

Дети селян посещают дошкольные учреждения, по возможности – за минимальную плату. Как правило, руководство экономически состоятельных хозяйств берет на себя добровольное обязательство по обеспечению дошкольных и школьных учреждений продуктами питания (хлебом, мясом, молоком, маслом) по льготным ценам или даже бесплатно, иногда оказывает единовременную помощь многодетным семьям, пенсионерам. Так, в «Молодой гвардии» Алнашского района за счет СПК организован бесплатный для тружеников хозяйства ежедневный автобусный маршрут Нижнее Асаново – Алнаши, курсирующий дважды в день: утром-вечером. Тем, кто по болезни получает направление на консультацию или обследование в Ижевск, половина транспортных расходов возмещается хозяйством. СПК помогает школе, детскому саду, сельской администрации (ПМА-2005).

В СПК «Чутырский» Игринского района из всех видов помощи особенно впечатляет помощь семьям: молодым мамам, имеющим детей в возрасте от полугода до трех лет, ежемесячно из фондов хозяйства выделяется по 300 руб. Рабочие кооператива, без перерыва проработавшие два года, получают стажевые в размере 10 % от заработной платы. Молодым людям (до 25 лет), пришедшим в хозяйство после школы или армии, начисляется доплата в размере 20 %. Каждый год за счет кооператива 30–40 чел. проходят оздоровление в санаториях или пансионатах (ПМА-2005).

В СПК «Колос» Вавожского района специалистам предоставляется возможность повышать свой профессиональный уро-

вень на разных курсах (ежегодно около 10 чел.). Индивидуальным застройщикам выделяются стройматериалы по льготным ценам, оказывается помощь транспортом, делаются скидки на заготовку пиломатериала. В социальную сферу СПК ежегодно вкладывает не менее 1 млн руб. [11].

Таким образом, там, где это возможно, главы субъектов хозяйствования не снимают с себя ответственности за создание условий, обеспечивающих индивиду реализацию социально приемлемых и эффективных стратегий адаптационного поведения. Даже то, что сегодня в преобладающем большинстве деревень нет нищих и бездомных, брошенных сирот и стариков, – заслуга не только конкретных людей или семей, но и сельскохозяйственных предприятий и их руководителей.

Наиболее сильную привязанность к производственным коллективам проявляют удмурты. Даже из слабых хозяйств они «разбегаются» последними. На вопрос, почему так происходит, сами же удмурты отвечают: «Наивны, нет больших претензий, знай, только пашем и пашем»; «У удмуртов ум запаздывает, и несмелые мы, это и держит»; «Не можем отстаивать свою точку зрения. Нам сказали, надо сделать, мы и идем, хотя иногда надо бы подумать, а надо ли так делать»; «Привыкли делать, что скажут. Но что важно, мы надежно работаем»; «Удмурты к земле привязаны, а почему это так, не задумывался» (ПМА-2005-2006).

Одной из специфических и массовых адаптационных практик сельских удмуртов стало вложение основных усилий в личное дворохозяйство. Современный сельанин, даже если остается в пространстве «крупхоза» институционально, предпочитает вкладываться именно в своем ЛПХ. Как высказался один наш респондент, «жизнь заставляет крутиться. Вот лошадь завел. В колхозе зарплату толком не выдают, а лошадь нас кормит, сама при этом много не просит. Весной около 20 огородов в деревне вспахал, по 20 руб. с сотки заработал. Во время сенокоса снова к нам обращаются. Дрова себе тоже на лошади возим. Зимой на печи не лежим: приходится упряжку новую заготавливать, телеги, колеса ремон-

тировать, в общем весь рабочий инвентарь приводить в порядок. Зато потом никаких проблем». По словам другого, «колхозной зарплаты даже на еду не хватает, поэтому скотины много держим – телят, бычка, молодняк. Сенокосов много, заготавливай корма, сколько хочешь. Мед, мясо продаем, на свои нужды даже пруд держим, свою рыбу едим. В деревне можно жить, только трудиться надо» [9; 10].

За 20 лет реформ произошло изменение сути адаптационных процессов: от приспособления к изменившимся условиям к постепенному включению в рыночные отношения. Для реализации продукции подсобного хозяйства сельание ищут наиболее выгодные каналы сбыта: в районном центре, близлежащем городе, договариваются с перекупщиками, совершают бартерные сделки с заезжими торговцами. Особенность такого рода адаптации заключается в том, что она носит ограниченный характер. За счет реализации продуктов домашнего хозяйства сельские труженики ведут индивидуальное строительство, приобретают необходимое по хозяйству, учат детей. Вынужденные принимать «рыночные условия игры», они (впрочем, и сельская интеллигенция тоже) в своих моделях адаптации прибегают к испытанному, привычному и надежному ресурсу – труду.

Интересно, что практически все наши собеседники, причем не только удмурты, с непоколебимым убеждением заявляли, что в трудолюбии равных удмуртам в сельской местности нет. Руководители хозяйств также почти единодушны в своем мнении, что представителям этого народа присущи такие качества, как соревновательность, нежелание быть хуже других, стремление угнаться за более сильным, крепким хозяйством. Памятуя об особенностях российского «рыночного хозяйствования», трудно дать однозначную оценку услышанному. Складывается впечатление, что безусловно достойное качество – трудолюбие – его обладателями все еще эксплуатируется с позиций человека «естественного» (можно даже сказать, «природного»), а не «экономического/рационального».

Новым, но уже заметным явлением в жизни отдельных районов Удмуртии стала организация сельского эко- или этнотуризма. Проектная и практическая деятельность в этой сфере активно осуществляется в Игринском и Дебесском районах, администрации которых интенсивно включают в свою деятельность историко-культурный потенциал Сибирского тракта. Однако в разрезе нашей статьи более интересными представляются частные и групповые практики организации бизнестуризма в Алнашском, Киясовском, Малопургинском, Увинском, Граховском, Шарканском и некоторых других районах. Здесь за это дело взялись отдельные фермеры и частные лица, и их модель поведения, по-видимому, можно интерпретировать как одну из инновационных попыток приспособления к изменившейся социальной среде [3].

Уникальной можно назвать практику адаптации некоторых жителей Шарканского района. В слабых хозяйствах селяне в летний период стали активно заниматься предпринимательским сбором даров природы (грибов, лекарственных трав, ягод) и их сбытом на городских рынках. По словам одного из шарканцев, он в день собирает по 3–4 ведра грибов, от продажи которых выручает до 500 руб.: «В город грибы возит мой сосед, ветеран труда, пользующийся льготным проездом на автотранспорте. Утром уедет, а вечером возвращается с деньгами. За работу я ему приплачиваю, так что никто не в обиде. Я таким же образом сбываю викторию, малину, смородину с огорода, землянику-клубнику, которую собираю на окрестных косогах. Зато зимой живу спокойно» [10].

В число ресурсов выживания селян можно включить и государственные социальные гарантии (пенсии, детские пособия и др.), денежные отчисления из органов службы занятости для людей, зарегистрированных в статусе безработных, а также некоторые республиканские программы, реализующиеся в Удмуртии. В ходе бесед сложилось впечатление, что наиболее привлекательными для селян являются программы, направленные на под-

держку строительства индивидуального жилья, особенно для молодых семей.

Сокращение удельного веса социальных благ, получаемых легально (законно), общее снижение уровня жизни, другие негативные факторы постсоветских трансформаций привели к распространению на селе криминальных или полукриминальных способов добывания ресурсов. Местное руководство вынуждено закрывать глаза на откровенное изъятие кормов, топлива, запасных частей и др. – всего того, что может быть использовано в личном подворье. Происходит неформально узаконенная комбинация колхозной экономики с экономикой крестьянского двора. Как рассказал один из руководителей хозяйства, «все тащат по мелочи, где-то без спроса, по договоренности с конюхом, механизатором, воспользуются лошастью, трактором, зерна, подсыпки для скота, охапку сена, соломы унесут, колхозную траву скосят и пр. Настоящим бичом стала кража горючего. Хозяйство расположено рядом с трактом, и несуну приспособились: украденное тут же проедем водителям сбывают. Ладно бы вырученное от продажи шло в семью, нет, практически тут же и пропивается» (ПМА-2005).

Назвать распространение неправовых практик добычи социальных благ обретением новейшего времени едва ли можно. Просто в последние годы амбивалентность поведения сельского социума стала почти нормой – как реакция на противоречивость и нестабильность «правил игры», незавершенность институциональных трансформаций в экономической сфере, неадекватную по отношению к труженнику села политику постсоветской власти.

Серьезной ареной адаптационных практик селян могло бы стать занятие фермерством, но прошедшие годы показали, что этот ресурс сельским социумом (и не только им, но и идеологами реформ) был явно переоценен. Пик фермерского движения в Удмуртии пришелся на 1992 г., когда в регионе было зарегистрировано 1 511 хозяйств. С 1994 г. рост числа фермеров замедлился, а в 1997 г. началось их интенсивное сокращение. Первоначальный эф-

фект от фермерского зачина оказался кратковременным, чего, впрочем, можно было ожидать. Обследования фермеров, проведенные в середине 1990-х гг., показали, что многие из них, получив в собственность землю и имущественный пай, даже не пытались заняться аграрным производством. Более предприимчивые вели производство на уровне ЛПХ; статус фермера освобождал их от налогов по коммерческой деятельности. Другие, получив в пай земли под многолетними травами и культурными пастбищами, на протяжении многих лет представляли отчеты о производстве кормов, не имея при этом в хозяйстве животных. Статус фермера получали и горожане, и граждане, проживающие за пределами региона. Такие факты были вскрыты, например, в Кизнерском районе Удмуртии. Подсчеты по количеству отведенной земли давали впечатляющие цифры, по обрабатываемым площадям – более скромные, а по налоговым отчислениям – еще меньше. Так, в Каракулинском районе из 211 зарегистрированных фермеров работали только 7, в Дебесском из 48 – половина [7, 735].

За прошедшие годы фигура фермера в деревне стала узнаваемой, но говорить о том, что фермерский уклад стал ведущим в сельском хозяйстве республики, оснований нет. В начале 2000-х гг. средний размер крестьянского (фермерского) хозяйства в республике составлял чуть больше 22 га, в 2007 г. – 31,5 га. По выражению фермеров, «обрабатывать и ждать отдачи от таких площадей в нашей климатической зоне, все равно что поросенка стричь: визгу много, шерсти мало» (ПМА-2005).

В число адаптационных практик селян можно включить занятие предпринимательской деятельностью, не связанной с аграрным трудом. Сегодня во многих крупных деревнях, селах, районных центрах можно увидеть небольшие магазины, в которых реализуются продукты питания и другие товары, пользующиеся спросом. Данную практику приспособления к внешней социальной среде нельзя назвать распространенной. Обычно она мобилизуется татарами, реже – русскими,

совсем редко – удмуртами. В удмуртских деревнях занятие торговлей практикуется фермерами как дополнение к основному виду деятельности. В некоторых селениях встречаются виды предпринимательства, связанные с оказанием бытовых услуг (ремонт обуви, пошив одежды, закупка сырья), но, как правило, подобная практика является для акторов сопутствующей, дополнительной к основной трудовой занятости в рамках «крупхоза», бюджетной организации или фермерства.

В сельской экономике функционирует и так называемый сектор «самозанятости», участники которого не зарегистрированы в статусе фермеров, не являются членами «крупхоза», но их хозяйства нельзя назвать и традиционными подсобными: в данном случае подворье институционально становится основным источником доходов. Обычно такие хозяйства имеют расширенные размеры (по площади земли или количеству скота) и работают по бизнес-плану, под который получают определенные кредиты, т. е. на них распространяются некоторые меры господдержки. Подобный вид трудовой занятости осуществляется через участие в производственной, заготовительной и торговой деятельности потребительской кооперации, в данном случае – Удмуртпотребсоюза. Например, уже давно по такому принципу работают жители д. Новая Монья Селтинского района. Здесь селяне держат по 2–3 коровы, сдают молоко, мясо, шерсть, яйца в приемные пункты или магазины потребкооперации. В деревне есть молочный и мясной цеха. Помимо этого кооператоры приобретают у селян ягоды малины, земляники, черники, овощи, лекарственные травы и грибы. Подобная работа хорошо налажена также в Ярском, Юкаменском, Красногорском, Як-Бодьинском районах [8].

В современной деревне активно мобилизуется разветвленная сеть родственной и соседской взаимопомощи, дружеской поддержки. Нехватка рабочих мест, предопределяющая труд на личном подворье как обязательное условие выживания, сильнее всего бьет по молодым, экономически не окрепшим семьям. В резуль-

тате складывается ситуация, когда родители вынуждены «тянуть на себе» хозяйства детей. Более того, теперь характер межпоколенной взаимопомощи приобрел новые черты: родители-пенсионеры стали источником не только продовольственных, но и денежных поступлений. За денежные ссуды от родителей взрослые дети помогают им работой на огороде, заготовкой дров, кормов для скота.

К соседям обычно обращаются при осуществлении каждодневной хозяйственно-бытовой деятельности. В качестве примера можно привести случаи одалживания продуктов питания (хлеба, песка), обмена рассадой, семенами, присмотра за огородом, домом, скотиной в недолгое отсутствие хозяев. К помощи соседей прибегают при некоторых видах работ (посадка картофеля, ремонт хозяйственных построек). При необходимости обращаются за небольшими денежными ссудами – «до пенсии», «до полочки». По словам одного из собеседников, «если односельчане обращаются к нам за техникой для вспашки огорода, мы не отказываем. Сын пашет бесплатно. Как деньги со своих братьев, они же тоже нам помогают. Мы и картофель садим сообща. Звать никого не надо, сами приходят. Привезем сено, поднимать на сеновал тоже помогают» (ПМА-2006). К друзьям обращаются при совершении обрядов, кооперировании трудовых усилий, за деньгами, за советом. Взаимопомощь и взаимовыручка, коллективное проведение праздников, установление связей свойства особенно характерны для молодых сельских семей.

Близость к городу, районному центру, перерабатывающим, нефтедобывающим предприятиям, железнодорожным станциям позволяет сельским жителям мобилизовать ресурс, реализуемый в практике «маятниковой» трудовой занятости на стороне, вне постоянного места жительства. На промышленных предприятиях обычно работают главы семей, молодые неженатые мужчины, не желающие работать в местном СПК из-за низкой оплаты труда. Среди женщин подобная практика в основном характерна для тех, кто име-

ет медицинское, педагогическое образование или работает в сфере торговли, оказания бытовых услуг. В связи с оптимизацией бюджетных расходов, тянущей за собой закрытие ФАПов, детских садов и школ, сельских клубов и иных учреждений социокультурной инфраструктуры села, масштабы подобной трудоузанности среди населения деревень в перспективе могут расширяться.

Женщинам, занятым в бюджетной сфере, иногда удается подрабатывать по совместительству. Например, заведующая филиалом Лонки-Ворцынской библиотеки Г. Г. Кожевникова вплоть до выхода на пенсию подрабатывала уборщицей. Свое решение объясняла низким уровнем заработной платы: «Получаю около 3 900 руб. (голый оклад – 1 600 руб.). В общую сумму входит оплата за заведование филиалом, плюс 15 % – уральские, плюс 25 % – премиальные, плюс 40 % – стажевые и, наконец, оплата работы уборщицей» (ПМА-2005).

Помимо названных выше адаптационных моделей поведения в сельской местности встречается и так называемое сезонное гастарбайтерство, практикуемое в основном мужчинами. На заработки, связанные обычно со строительными работами, отправляются за пределы Удмуртии – в Свердловскую, Кировскую, Брянскую, Московскую области, в Пермский край и другие регионы. По информации, полученной в администрации Алнашского района, «в начале 2011 г. 10 % трудоспособного населения работало в соседнем Татарстане, “на Северах” либо в других регионах страны. Дети – отцов, жены – мужей видят редко. Такая ситуация часто оборачивается худом, но мужчинам надо деньги зарабатывать, семьи свои кормить. В районе на данный момент 272 человека безработных, 154 – женщины, 112 из них – родители несовершеннолетних детей, 103 – молодежь до 29 лет» (ПМА-2011).

Не сумевшие адаптироваться к внешней социальной среде молодые люди, чаще всего выпускники школ, идут служить в армию по контракту. Те, у кого есть личный автотранспорт, занимаются частным

извозом в пределах района или районного центра. Любопытная информация была получена в с. Арзамасцево Каракулинского района. По общему мнению местных жителей, добрая половина милиционеров районного центра – родом из их села: юноши, отслужив в армии, устраиваются в районное отделение МВД, считая данное трудоустройство более престижным и денежным, нежели на местном свинокомплексе или в ОАО «Урожай» (ПМА-2006).

В беседах с сельскими тружениками нередко речь заходила о неизбежной поляризации деревенских жителей в зависимости от индивидуальной активности, профессионализма, возраста, финансовой состоятельности, людности семейств. Наряду с успешно адаптировавшимися крепкими хозяйствами появились дворы (и их немало), балансирующие на грани бедности. В проигрыше, как правило, оказываются одинокие пенсионеры, семьи с пьющими мужьями или женами, многодетные, люди с малым социальным и культурным капиталом (в первую очередь – без образования, хотя бы среднего специального). Поляризация, естественно, актуализирует чувства неприязни и зависти со стороны слабых адаптантов по отношению к успешным. Об отношении к современным деревенским «богатым» свидетельствует красноречивое высказывание, услышанное в одной из удмуртских деревень Куединского района Пермского края: «Пень кудыбсь пызь кудые тэтчизы» (досл.: «Из лукошка с золой перепрыгнули в лукошко с мукой»). По мнению собеседника, главы подобных семейств стали пренебрегать общественными проблемами, оставаясь глухими к нуждам обедневших односельчан [6, 40].

Заметим, что из группы слабых адаптантов или вообще дезадаптантов нередко рекрутируются безработные, как правило, имеющие низкий социально-профессиональный статус и приспособившиеся жить за счет поденной или сезонной работы у одиноких пенсионеров, фермеров или в хозяйствах преуспевающих односельчан. Среди выбравших данную модель поведения чаще всего встречаются одинокие мужчины молодого или среднего возраста

(бывает, что с криминальным прошлым), склонные к злоупотреблению спиртными напитками. Почти привычной стала картина, когда здоровые, трудоспособные мужчины, не обзаведясь семьей, предпочитают паразитировать на престарелых родителях, обычно – вдовых матерях, лишь изредка нанимаясь на поденную работу к одиноким пенсионерам (снег почистить, дрова наколоть, помочь картофель посадить и т. п.). Типичное изречение подобных индивидов: «Я холостой, живу с матерью. Женишься, на что жену и детей кормить-одевать будешь? А так нам пенсии матери хватает и на еду, и на выпивку» [10].

В целом бурное развитие семейной экономики можно было бы оценивать только положительно, если бы крестьянские подворья не оставались основной сферой нерегулируемой занятости на селе. Их владельцы не могут иметь расчетный счет в банке, получать производственный кредит, сертифицировать свою продукцию и оформлять лицензии на ее продажу (кроме права торговать излишками). Эта нелегитимность семейного производства предпринимательского характера обусловлена долговременным опытом сельского неформального сектора и нынешним законодательством, в частности, Федеральным законом «О личном подсобном хозяйстве». Именно пресловутая незаконность неформальной семейной экономики обошла «бокком» дворохозяевам, не имеющим постоянного места работы, но желающим принять участие в нацпроекте «Развитие АПК». Во всей Удмуртии среди получивших кредиты по нацпроекту не было ни одного крестьянского двора, главы которых не имели постоянной работы.

Историческая практика показывает, что индивидуальный сектор обладает высокой экономической устойчивостью и жизнеспособностью. Однако более или менее успешное функционирование ЛПХ в условиях длительно не разрешающегося кризиса сколько угодно долго едва ли возможно. Рано или поздно наступает предел бесконечного напряжения сил, эксплуатации хозяйственных, материальных, финансовых, эмоционально-

психологических ресурсов. Рост тарифов на ГСМ и энергоносители, диспаритет цен, проблемы сбыта произведенной продукции, накопившаяся усталость от попыток жизнеобеспечения на грани возможного не могут не отразиться на акторах семейной экономики. Зримо прослеживаемый процесс сокращения поголовья скота в личных подворьях можно смело назвать следствием давления негативных факторов. Так, за 2003–2005 гг. в Игринской сельской администрации количество коров в ЛПХ сократилось с 402 до 307, Чутырской – с 234 до 200, Сепской (с 2001 по 2004 гг.) – с 201 до 187, Новозятцинской – с 240 до 147 и т. д. (ПМА-2005).

Резюмируя сказанное, приведем мнение директора Института социологии РАН М. К. Горшкова: «Главной предпосылкой социальной политики государства должно было стать понимание того, что ответственность за социальные риски и их последствия не может возлагаться на человека без предоставления ему рычагов и механизмов реализации этой ответственности, прежде всего, через возможности эффективной занятости, усвоение навыков поведения в условиях рыночной экономики» [4, 4].

Поступила 23.07.2015

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ПМА – полевые материалы автора 2005; 2006; 2011 гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. Авраимова, Е. М. Воспроизводство адаптационных практик в период российской трансформации // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 6. – С. 5–15.
2. *Агропром Удмуртии*. – 2005. – № 1.
3. Банникова, Т. Юосты ветта... радиотулкым // *Удмурт дунне*. – 2006. – 10 май.
4. Горшков, М. К. Социальная ситуация в России в фокусе общественного мнения // *Социологические исследования*. – 2006. – № 12. – С. 3–8.
5. Киркорова, Л. Хозяйства населения : занятость и социальная защита сельских жителей // *АПК : экономика, управление*. – 2004. – № 8. – С. 44–52.
6. Никитина, Г. А. Удмурты за пределами Удмуртии : ресурсы выживания в условиях постсоветских трансформаций // *Диаспоры Урало-Поволжья : материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.)*. – Ижевск, 2005. – С. 38–43.
7. Никитина, Г. А. Фермерское движение в постсоветской Удмуртии : опыт становления и современное положение // *Государственная власть и крестьянство. Международная научно-практическая конференция*. – Коломна, 2013.
8. Романов, Г. Жоггес но дунтэмгес // *Удмурт дунне*. – 2012. – 10 посьтолзъ.
9. Хайдаров, Р. Лыдпусъёс : шумпотон-а, йыромон-а? // *Удмурт дунне*. – 2005. – 4 май.
10. Шкляев, Ю. Воё жук инмын уг поэзы // *Удмурт дунне*. – 2004. – 18 май.
11. Юсаев, Г. Музьеме усем тысь одно уда // *Удмурт дунне*. – 2004. – 8 октябрь.
1. Abraham, E. (2005) Reproduction of adaptation practices at the time of Russian transformations, *Social studies and the present*, № 6.
2. *Agriculture of Udmurtia* (2005), № 1.
3. Bannikova, T. (2006) Yuosty vetta... radiotulkym, *Udmurt dunne*, May 10.
4. Gorshkov, M. (2006) Social situation in Russia is in the focus of public opinion, *Sociological research*, № 12.
5. Kirkorova, L. (2004) Households: employment and social protection of rural residents, *Agroindustrial complex: economy, management*, № 8.
6. Nikitina, G. (2005) Udmurts outside Udmurtia: survival resources during post-Soviet transformation, *Diaspora of Volga-Ural region, Proceedings of Interregional Conference*, Izhevsk, 28–29 October 2004.
7. Nikitina, G. (2013) Farmers' movement in post-Soviet Udmurtia: Evolution and modern condition, *Government and the Peasantry, proceedings of International conference*, Kolomna.
8. Romanov, G. (2012) Zhogges but duntemges, *Udmurt dunne*, 10 postolez.
9. Khaydarov, R. (2005) Lydpusës: shumpoton-butuyromon eh?, *Udmurt dunne*, May 4.
10. Shklyayev, Yu. (2004) Voë beetle inmyñ HS pozy, *Udmurt dunne*, May 18.
11. Yusaev, G. (2004) Muzeme Usem tys one ud, *Udmurt dunne*, 8 October.